

Научная статья

УДК 94(571)"19/20"

doi: 10.17223/19988613/97/8

Труд и его стоимость у крестьян Западной Сибири в 80–90-е гг. XIX в.

Олег Николаевич Катионов

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, Korolek1953@gmail.com

Аннотация. Предпринята попытка обобщения оценки характеристик труда и его стоимости у крестьян Западной Сибири в трудах исследователей периода второй половины XIX – начала XXI в. Определяются роль и значение труда, составляющие его элементы в земледельческом и промысловом хозяйстве Сибири. Характеризуется комплексный вид труда, связанный с земледелием как основой жизнедеятельности большей части крестьян и дополнительными промыслами, дававшими дополнительный прибавочный продукт для функционирования самого крестьянского хозяйства, а также его связь с рынком в условиях колонизуемого огромного региона.

Ключевые слова: крестьянский труд, стоимость и цена труда, трудозатраты, значение труда, Западная Сибирь XIX – начала XX в., историография крестьянского труда

Для цитирования: Катионов О.Н. Труд и его стоимость у крестьян Западной Сибири в 80–90-е гг. XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 63–72. doi: 10.17223/19988613/97/8

Original article

Labor and its value among the peasants of Western Siberia in the 80s–90s of the XIX century

Oleg N. Cationov

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, Korolek1953@gmail.com

Abstract. The purpose of our article is to study the labor cost of peasants in Western Siberia at the end of the 19th century. Objectives: to show the importance of labor as the basis of the life of the population in any historical period of the development of society, to evaluate the results of existing developments in assessing and summarizing information about the labor resources of Siberia in the late 19th and early 20th centuries, to try to estimate the cost of labor of peasants of working age for a certain historical period, based on the works of their predecessors. The share of the gross domestic product is first compared to Western Siberia, and then compared with Russia's GDP to determine the economic location of the region.

To solve general problems, we identified the role and importance of labor in the livelihood of the Siberian population in its peasant component, which dominated in quantitative terms among other population groups for the whole of Western Siberia.

In the history of the economic development of Siberia in the second half of the XIX – early XX century, a number of significant results have been achieved in the historiography of the history of its development – the history of the Siberian working class has been written, the history of the Siberian peasantry has been studied, and in recent decades serious attention has been paid to merchant and financial capital.

Such a component of the economy as labor resources is calculated in V.P. Zinoviev's work on the interethnic division of labor in Siberia based on the 1897 census. P.F. Nikulin characterized the internal structure of the peasant economy based on statistics from 1901 and 1916.

Labor in a market environment, in our opinion, is the embodiment of dynamic coordinated action regulating social relations, which may be contradictory in some ways, but are necessary for a society with labor principles.

We proceed from the assessments of labor in modern sociology as a ratio of its different types: "market – non-market" and "paid – unpaid" labor.

Based on this general assessment of labor, it is possible to calculate its amount based on the available indicators of the number of peasants, the labor price of hired workers in stationary and seasonal agricultural work when engaged in the types of agriculture – agriculture and cattle breeding, as well as in commercial activities, which were an integral part of farming.

We question the well-established point of view among historians about the impossibility of accurately accounting for the cost of labor in a peasant farm, based only on the fact that it was not completely connected with the market, but worked largely on self-reproduction for subsequent generations.

Keywords: labor, the cost of peasant labor, Western Siberia at the end of the 19th century

For citation: Cationov, O.N. (2025) Labor and its value among the peasants of Western Siberia in the 80s–90s of the XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 97. pp. 63–72. doi: 10.17223/19988613/97/8

Труд – целесообразная деятельность человека. Труд есть «...вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общий всем ее общественным формам» [1. С. 195]. Уберем оценку труда как явления глубоко антагонистических противоречий в условиях рынка, потому что труд в условиях рынка, на наш взгляд, является воплощением динамичного согласованного действия, регулирующего общественные отношения, может быть, в чем-то и противоречивые, но необходимые для общества с трудовыми началами.

Какими бы ни были философские оценки труда, крестьянский труд базировался на земле, получении в результате трудового воздействия на нее прибавочного продукта, дававшего не только возможность реализовать потребительскую направленность крестьянского хозяйства, но и реализовать часть трудовой ренты на рынке или пустить часть земледельческих продуктов на переработку в крестьянском производстве для удовлетворения потребностей другого характера – бытовых, жилищных, по созданию традиционных орудий труда с целью поддержания потребительско-товарного хозяйства сибиряка, обеспечения воспроизводства самого крестьянского хозяйства.

В современной социологии в оценке труда с точки зрения соотношения разных его видов западные ученые используют как равнозначные две пары терминов: «рыночный–нерыночный» и «оплачиваемый–неоплачиваемый» труд. Последняя пара принята как основная в Международной стандартной классификации видов деятельности, используемой в странах ЕС. Труд, который человек предлагает на рынке труда и за который получает заработки в форме заработной платы, премий, прибыли на основном и дополнительных местах работы, в том числе в натуральном виде, называется оплачиваемым. Он расширяет возможности развития домохозяйств при увеличении реальных денежных доходов и благодаря социальным связям и доступу к другим ресурсам на рабочем месте. Под неоплачиваемым трудом понимается не предназначенный для рынка труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве, а также уход за детьми и помощь старикам и детям. Однако часть продукции личных подсобных хозяйств (ЛПХ) реализуется на рынках, тем самым труд становится оплачиваемым, но не декларированным. Авторы монографии под редакцией Т.И. Заславской отмечают, что «на западе неоплачиваемая работа становится важнейшим фактором развития экономики постиндустриального общества. Неслучайно Г. Беккер включил в микроэкономический анализ нерыночное поведение людей и их взаимодействие». Далее авторы пишут: «Используя определение Т.И. Заславской, отметим, что труд является деятельностной компонентой человеческого потенциала, основой адаптационного и преобразовательного поведения, влияющего на развитие общества» [2. С. 613].

Современные оценки состояния сельского труда в социологической науке крайне тревожны: «В таких поселениях повсеместно наблюдается архаизация образа жизни, проявляющаяся в преобладании архаич-

ской системы производства, основанной на тяжелом немеханизированном труде в рамках личного подсобного хозяйства; в преобладании потребительского характера производства; вовлечении в производственный процесс всех членов семьи, включая стариков и детей. Более половины сельскохозяйственной продукции в России в настоящее время производится в хозяйствах населения, практически не включенных в кооперационные связи по обслуживанию, сбыту и переработке продукции» [2. С. 613–614].

Таким образом, низкая цена труда является главной причиной возникновения экономической и социальной депривации сельского населения в настоящее время. Инверсия социальной организации общества, разрушение привычного уклада жизни усугубили ситуацию [2. С. 614].

В современных условиях отследить стоимость и цену труда проще, так как во многих странах, в том числе и нашей, установлена минимальная заработка плата, где-то почасовая, у нас помесячная. Но и сейчас оценка крестьянского труда не всегда адекватна трудозатратам. Переход на оплату труда в социальной сфере привел к тому, что крестьянские личные подсобные хозяйства стали прекращать свое существование буквально в течение последних 25 лет. Жители деревень и сел, имеющие основной бюджетный заработок: учителя, медработники, почтовые и другие служащие, просто отказываются от ведения ЛПХ, которое по масштабам в разы меньше крестьянского XIX – начала XX в. в силу его нерентабельности. В советское время ЛПХ компенсировало затраты за счет общественного хозяйства колхозов или совхозов: приобретение по низким ценам кормов и т.п. В современных условиях численное уменьшение семьи, ориентация на городской труд не способствуют интересу жителей сел к ведению экстенсивного хозяйства: содержанию КРС, мелкого скота, домашней птицы, мелких животных и т.п. То есть люди предпочитают жить за счет социальных гарантий – пенсий, стабильных невысоких зарплат. К изнурительному сельскохозяйственному труду многие не стремятся. Если несколько лет тому назад, на память даже молодых людей 30 лет, по селам шли с полей стада животных: коров, овец и коз, то сейчас в селах запустение. Редкие хозяйства держат КРС и другой скот. В чем причина? Почему обесценился крестьянский труд? За счет механизации и интенсификации сельского хозяйства или из-за миграции в города, ослабления семьи, уменьшения ее численности? Глобализации, продуктовой замены?

Оценке сельскохозяйственного труда в Европейской России в прошлом посвящены работы Б.Н. Миронова. Он считает, что «именно доход на душу населения являлся наиболее точным показателем благосостояния хозяйства... Крестьянство в отличие от других сословий до самой Русской революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения. Расслоение русского крестьянства во многом являлось плодом представлений, которые циркулировали в российском образованном обществе; деревня же имела свою внутреннюю логику развития» [3. С. 405].

Более детально им исследована оплата труда сельскохозяйственных рабочих в Европейской части России: «Вырабатывая условия отмены крепостного права, губернские редакционные комиссии в 1850-е гг. определили среднюю поденную плату сельскохозяйственного рабочего в 30 коп. для всей Европейской России. Однако такого высокого уровня оплата труда достигала только в степных и прибалтийских губерниях в летнюю пору; в остальных местностях она в летний период была ниже... В первые 10 лет после отмены крепостного права зарплата стала быстро расти. В 1870-е гг. в 50 губерниях Европейской России она равнялась 49,5 коп., следовательно, сравнительно с 1850-ми гг. поднялась номинально на 65%. Причем основной прирост приходился на 1860-е гг., о чем говорит следующий расчет: на конец 1860-х – начало 1870-х гг. имеются сведения по 40 губерниям о годовой плате (при получении содержания от хозяина, или на «хозяйских харчах»), которая в 1870-е гг. по этим же 40 губерниям увеличилась с 50 до 55 руб., или примерно на 10%. Отсюда следует: в 1860-е гг. зарплата рабочих реально возросла примерно на 50%. В 1880-е гг. она понизилась на 4%, а в 1890-е гг. повысилась на 6%, в 1901–1914 гг. – еще на 30%. Таким образом, реальная зарплата батраков в 1860-е гг. сравнительно с 1850-ми поднялась в 1,5 раза, затем на 30 лет, 1870–1890-е гг., практически законсервировалась, в 1901–1914 гг. выросла в 1,3 раза, а в целом за пореформенное время – почти удвоилась» [4. С. 425–426]. Это систематизированная информация для наемных рабочих Европейской России. Обладаем ли мы такими данными для Сибири? Б.Н. Миронов показывает реальную поденную зарплату сельхозрабочих в номинальных копейках с 1850-х по 1913 гг. Она выросла с 23,5 до 92 коп., составляя в 1880–1890-е гг. от 55 до 69,1 коп. у мужчин и от 36,3 до 44,7 коп. у женщин [4. С. 429]. Причины роста зарплаты сельскохозяйственных рабочих Б.Н. Миронов видит в последствиях отмены крепостного труда, росте промышленного производства, спроса на труд на биржах, распространении информации о величине зарплаты в различных отраслях. «Зарплата сельскохозяйственных рабочих в отличие от промышленных в пореформенное время имела более четко выраженную тенденцию к повышению» [4. С. 433].

Итак, мы имеем оценку труда сельскохозяйственных рабочих в зарплатной части. При этом Б.Н. Миронов отмечает, что в России (Москва и Московская губерния) в 1890-е гг. только 10% промышленных рабочих были оторваны от земли. Остальные 90% были тесно связаны с сельским хозяйством [4. С. 432].

Тем более для Сибири такое состояние в 80–90-е гг. XIX в. являлось естественным. Здесь не было широко развито крупное промышленное производство, поглощавшее весь крестьянский труд. Поэтому специфика нашего исследования требует использования разрозненных данных по оценке стоимости крестьянского труда в различных направлениях в области сельскохозяйственного и кустарного производства, чем и были заняты крестьянские хозяйства в 80–90-е гг. XIX в.

Переходя к оценкам стоимости труда в Западной Сибири конца XIX в., его можно характеризовать как

основной вид деятельности крестьян Западной Сибири. Его можно разделить на сельскохозяйственный, т.е. связанный с организацией деятельности по выращиванию злаковых, обеспечивающих продовольственную базу семьи и общества, и технических культур, обеспечивающих потребности крестьян в одежде, жилище и пищевом рационе. Помимо прямых утилитарных задач по функционированию семьи труд крестьян обеспечивал развитие промысловой деятельности, связанной с обработкой и переработкой продуктов домашнего хозяйства и реализацией их на рынке. Кроме этого, практически все крестьяне занимались скотоводством и промыслами, обеспечивавшими продовольственную и рыночную стороны крестьянского хозяйства. Естественно, труд крестьян был также направлен и на реализацию потребностей государства и общества в налогах и разного рода натуральных повинностей.

Однако не все исследователи обращали внимание на комплексность крестьянского труда. Например, И.В. Власова, презентуя тезисы «Коллективные формы труда в крестьянских хозяйствах», показывала только те формы, которые были выгодны непосредственно каждому хозяйству, исключая коллективный труд на общество в форме государственных, земских и местных (сельских) повинностей. Автор указывает только такие формы коллективного труда, как совместные работы по расчистке лесов, освоению целины, залежей и пр., т.е. сельскохозяйственных работ, и, второе, помочи, организацию артельных работ, отходничество [5].

В Сибири труд крестьян исследовался в связи с изучением возможностей земельного фонда в разных регионах края к приему дополнительных переселенческих сил в пореформенный период, когда относительное малоземелье крестьян Европейской России выталкивало их на переселенческие фонды. Но прежде всего эти фонды надо было создать. Для этого Министерство земледелия и государственных имуществ проводило специальные исследования по выявлению дополнительных возможностей по будущему землеустройству переселенцев. Исследовав старожильческие крестьянские хозяйства при помощи статистиков-социологов (в современном понимании, хотя и не всегда в современном понимании, так как исследования XIX в. отличались и выборкой (как в Западной Сибири), и тотальным, сплошным обследованием земледельческих округов / уездов, (например, в Восточной Сибири – Иркутской и Енисейской губерний)), власти выступали инициаторами создания колонизационного фонда, который был рассчитан на переселенцев.

Одновременно изучался социально-экономический строй крестьянского хозяйства, в котором немаловажное значение уделялось организации труда западносибирских крестьян. Так, В.А. Зверев еще в 1982 г. при описании хозяйственной деятельности русской крестьянской семьи в Сибири конца XIX – начала XX в. фактически описывал организацию хозяйственной деятельности крестьян Сибири с их трудовыми навыками [6]. Практически все исследователи шли по определенной схеме: описание земледелия, скотовод-

ства, затем промыслов с указанием на наемный и собственный труд крестьян.

Защищены диссертации, опубликованы монографии и статьи с описанием промысловой и земледельческой деятельности крестьян, написаны обобщающие труды по истории крестьянства Сибири периода капитализма [7. С. 38–90, 113–117].

Трудовые ресурсы исследовались и в социально-экономическом, и в политическом плане. Е.И. Соловьева подсчитала приблизительную цифру наемных работников в крестьянском промысловом хозяйстве Сибири в целом. Она же упоминала исследователя А.А. Мухина, который подсчитывал социальные силы грядущей революции, т.е. основной движущей силы – рабочего класса, в том числе и работников-батраков (100 тыс. чел.) [8. С. 213]. Так, по ее подсчетам в 90-е гг. XIX в. в Тобольской губернии было занято в кустарных промыслах 154 тыс. чел., в Томской в 1893 г. – 12 060 рабочих, занятых в мелкой крестьянской промышленности [8. С. 214–215]. Всего же к середине 1890-х гг. в Сибири без Забайкалья насчитывалось более 194 тыс. лиц, так или иначе связанных с крестьянской промышленностью [8. С. 215].

Труд кустарей был сезонным. Цена его представлена Е.И. Соловьевой в монографии в табл. 4.6. «Зарплатная плата рабочих в крестьянских промыслах Сибири 80–90-х гг. XIX в.» Зарплата в сезон колебалась от 30 до 100–150 р. в год, в месяц от 6 до 7 руб. (30 руб. за сезон) у пимокатов, у шерстобитов за сезон 10–15 руб., у кожевников 12 руб. за зиму, сапожников 20–30 руб. за зиму, у портных 10–15 руб. за зиму, у рогожников 16–48 руб. с октября по март, у мочальников 12–18 руб. за весну [8. С. 224]. Сезонность работы показывает принадлежность данных работников к земледельческому циклу ведения хозяйства с использованием труда в кустарных промыслах тогда, когда время позволяло подработать. Да и вывод Е.И. Соловьевой подтверждает наше мнение: «Реальный жизненный уровень рабочих в крестьянской промышленности зависел от величины номинальной заработной платы и доходов от земледелия, так как наемные работники, как правило, не порвали еще связи с землей» [8. С. 224].

В Тобольской и Томской губерниях, по подсчетам Е.И. Соловьевой, занимались крестьянской промышленностью более 22 тыс. дворов. В каждом промысловом хозяйстве Тобольской губернии занимались промыслом 1,4 чел. [8. С. 216]. Переносим эти данные и на хозяйства Томской губернии. Тогда получаем: 22 000 хозяйств умножаем на показатель 1,4 одного двора, итог – 30 800 чел. в этих хозяйствах занимались только промысловым трудом.

В целом же крестьянское хозяйство было ориентировано на доминирование сельскохозяйственных работ. По данным Г.А. Ноздрина со ссылкой на труд Н.А. Балюк, удельный вес хозяйств, специализировавшихся на земледелии в 1897 г. в округах Тобольской губернии, составлял от низшего показателя в 60,2% в Тюменском, до 80,5% в Туринском, а всего по губернии из 265 391 хозяйств приходилось 177 300, или 66,7%, специализировавшихся на земледелии [9. С. 38].

М.В. Шиловский отмечает: «Проведенная Н.А. Балюк реконструкция экономических параметров мелкого, среднего и крупного хозяйства в Тобольской губернии показала общую тенденцию преобладания в конце XIX в. – начале XX в. натуральных и мелкотоварных хозяйств среднего уровня доходности. Единственным источником благосостояния основной массы крестьянских дворохозяйств региона, в том числе зажиточных, оставался личный труд» [10. С. 123].

Трудовые ресурсы Сибири в целом были изучены В.П. Зиновьевым, который отмечает, что «в 90-х гг. XIX в. Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников. Если же учесть, что официальная статистика не полностью регистрировала мелкие заведения ремесленников, крестьян, то положение мануфактур и фабрик в Сибири можно уподобить островам в море мелких и мельчайших заводений» [11. С. 187]. Этим выводом автор подчеркивал доминирование мелкотоварного производства в численном наличии не только в крестьянском хозяйстве Сибири, но и в сравнении с числом промышленных предприятий индустриального назначения.

Однако во всех исследованиях, посвященных рабочему классу, трудовому крестьянскому хозяйству, не удалось провести валовую оценку стоимости труда, в том числе и крестьянского, хотя валовые показатели производства и в промышленности, и в сельском хозяйстве изучены. Этот сюжет требует специального исследования.

Например, в 1920 г. в «Сибревкомовской Сибири» земель трудового пользования было 56 186 тыс. дес. [12. С. 47]. Экстраполируя данные о площадях на цену обработки одной десятины, мы можем подсчитать стоимость труда, вложенного крестьянами в обработку земель трудового пользования. Переводим такой же показатель на данные по площадям освоенных земель в разные десятилетия разных регионов Сибири и наличия крестьянских хозяйств или рабочих душ в этих хозяйствах, а также, зная цену трудозатрат на одну десятину и цену поденного труда, мы можем высчитать цену земельного труда крестьян в земледельческом календаре Сибири, или провести подсчет стоимости крестьянского труда. Тем более что спорадические данные на цену труда имелись в отчетах, справках, исследованиях. Другое дело, что стоимость труда в крестьянском хозяйстве Сибири в целом не исследована, хотя в «Материалах для изучения...» трудозатраты крестьян подсчитывались, доходность крестьянского хозяйства зажиточных, средних и бедных тоже приводилась. При этом не игнорировались и сезонные заработки крестьян в форме промыслов. Кроме того, подсчитывались даже затраты труда на исполнение государственных и местных повинностей. Но все это делалось порознь, без общего объединения полезности труда крестьян вообще. Даже высчитывались доли общественного труда, например дорожной повинности, в общей оценке повинностей. Но опять же без конкретной детализации стоимости или цены труда в его долях.

Если принять данные подсчетов Л.М. Горюшкина о посевных площадях в Западной Сибири (Акмолин-

ская обл., Тобольская и Томская губ.) в 1897 г. – за 3 429 тыс. дес., в 1908 г. – 3 607 тыс. дес., в 1917 г. – 7 169 тыс. дес. [13. С. 128], то можно подсчитать валовые трудозатраты на обработку этих площадей, исходя из цены труда рабочих, занятых в обработке одной десятины пашни, сборе урожая и его приведении в продовольственное состояние.

За основу можно взять данные, собранные С.К. Паткановым: Трудозатраты. Расчет стоимости обработки одной десятины под озимь, ярицу и овес, которые являлись главными хлебами в пищевом рационе и у крестьян, и на рынке. «Один рабочий с двумя лошадьми вспахивал сохой-пермянкой 0,5–1 дес. средним числом в 1 800 кв. саж. Поденная плата одному рабочему с двумя лошадьми 1 руб. 40 коп. на его продовольствии. Следовательно, вспашка одной десятины обходилась в 1 руб. 87 коп. Взборонить мог один рабочий на двух лошадях в 1 день чуть более десятины [2 700 кв. саж.], что стоило 1 руб. 25 коп. Два раза взборонить и два раза вспахать обходилось в 6 руб. 24 коп. [14. С. 151].

Один человек засевал за день 3–4,5 дес., а стоимость одной десятины – около 20 коп. Жатва 1 дес., смотря по хлебу, обходилась 4–5 руб. 35 коп. на харчах рабочих. Тот же результат получался, если нанимать рабочих поденно: 8–9 человек. Могли сжать в один день 1 дес. Плата им была по 60 коп. на их харчах. Получалось 4 руб. 80 коп.–5 руб. 40 коп. Женщины брали по 40 коп. в день, что составляло 3 руб. 20 коп.–3 руб. 60 коп. с 1 дес. При совместном труде мужчин и женщин уборка 1 дес. обходилась в 4–5 руб.

Свезти домой урожай с 1 дес., если поле находится в не далее трех верст, стоило около 90 коп., так как, полагая в овине 2 воза, получалось 7–7,5 возов с 1 дес., которые мог вывезти в 1 день 1 рабочий с подводой. Сложить в сушильню, высушить, вымолотить и отвеять 1 овин стоило 50 коп., или 3,5 овина – 1 руб. 75 коп. Плата за аренду земли на 1 год равнялась 45–65 коп. Семян шло на 1 дес. 10–12 пудов, пуд стоил по 27–31 коп. Выходило от 2 руб. 70 коп. до 3 руб. 72 коп. за семена.

Повторим для ясности все расходы [14. С. 151–152]:	
2 раза вспахать стоит средним числом	3 руб. 74 коп.
2 раза взборонить	2 руб. 50 коп.
11 пудов семян по 31 коп.	3 руб. 41 коп.
Засеять	0 руб. 20 коп.
Убрать	4 руб. 50 коп.
Свезти хлеб домой	90 коп.
Высушить и смолотить 3,5 овина	2 руб. 00 коп.
Плата за аренду	0 руб. 62 коп.
Итого	17 руб. 87 коп.

Если исходить из валовой оценки труда, затрачиваемого на одну десятину, то получим по данным на 1897 г. совокупную оценку труда крестьян Западной Сибири только на земледельческих работах по выращиванию урожая и его переработке в сумме 61 722 тыс. руб. (округляем обработку одной десятины до 18 руб. вместо 17 руб. 87 коп. и умножаем на число обрабатываемых десятин – 3 429 тыс. дес.). То есть совокупный труд крестьян (его стоимость) можно оценивать в сумму более 61 млн руб. И это только при обработке пашни. А еще сенокошение и другие занятия тех же крестьян.

Труд крестьян в Сибири, так же как и в Европейской России, был изнурительным, «страждущим», основанным на трудовой этике непрерывного действия. Сельскохозяйственный год летнего цикла был еще интенсивнее, чем в европейской части страны. Там посевная начиналась на две-три недели раньше, чем в Сибири, и сбор урожая происходил в более благоприятных условиях, потому что в Сибири заморозки на почве начинались ранее и сельскохозяйственный год был более коротким. Исследователь Л.В. Милов в работе «Великорусский пахарь» показал организацию сельского хозяйства и труда в России как форму труда, едва позволявшую сводить концы с концами на протяжении столетий из-за суровых климатических условий и вмешательства организующей роли государства в ведение хозяйства [15]. Технологии такой организации были перенесены в Сибирь, отличавшуюся еще более суровыми климатическими условиями. Поэтому крестьяне наряду с сельскохозяйственным производством вынуждены были заниматься кустарными промыслами, отходничеством, участвовать в транспортной, промысловой деятельности. Это давало возможность воспроизводить поколения, передавать трудовые навыки, способствовавшие выживанию крестьянства.

Данный посыл подкрепляется сведениями, приводимыми В.П. Зиновьевым в исследовании, посвященном межэтническому разделению труда в Азиатской России по переписи 1897 г. Автор пишет: «В Тобольской губернии перепись 1897 г. учла всего 1 433 043 чел., в том числе 369 876 самодеятельных лиц и 1 063 167 лиц, живущих за счет их средств. Из общего числа самодеятельного населения 346 195 (или 93,6%) относились к пришлым народам, а 23 681 (6,4%) – к сибирским коренным народам. Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 237 850 (68,7%), в промышленности – 35 116 (11,1%), в обслужении (6,2%) и других сферах – торговле, управлении, животноводстве [16. С. 29]. То есть абсолютное большинство тратили свой труд на ведение земледелия и в промысловой деятельности. «Большое число отхожих промыслов, сельскохозяйственных побочных занятий – свидетельство комплексности хозяйств» [16. С. 32].

По Томской губернии переписью 1897 г. учтено всего 1 927 679 чел., в том числе 451 575 самостоятельных лиц и 1 476 104 лица, живущего за счет их средств. Соотношение самодеятельного населения и иждивенцев 1:3,2. По данным сведений, на территории губернии осуществлялось расширенное воспроизводство рабочей силы. Земледельцы губернии имели соотношение работников и иждивенцев 4,3 и покрывали дефицит прироста населения в других отраслях занятости как у пришлого населения, так и у коренного сибирского. Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 264 574 чел. (63,2%), в промышленности – 53 706 (12,8%) и других сферах [16. С. 37–38]. То есть 76% населения – это в основном крестьяне, занятые земледелием и побочными промыслами. Сюда можно добавить и тех, кто занимался извозом, на транспорте в целом, лесными заготовками, рыболовством, животноводством и др.

Общий вывод по Томской губернии у В.П. Зиновьева следующий: «Надо помнить также, что деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако русские и другие европейцы, кроме основных занятий, были рыболовами, охотниками, возчиками кладей, строителями, ремесленниками, рабочими на пароходах и на золотых промыслах, т.е. занимались десятками различных отхожих побочных промыслов... Большое число отхожих промыслов, сельскохозяйственных побочных занятий – свидетельство комплексности хозяйств» [16. С. 41–42].

Если обобщить данные В.П. Зиновьева по трудоспособному сельскохозяйственному населению двух губерний, то их насчитаем 627 418 чел. пришлых и коренных, занятых земледелием. Плюсуем сюда самодеятельных, занятых земледелием в Акмолинской области, – 38 095 чел. [16. С. 107]. Получаем обобщенное число самодеятельных в Западной Сибири 665 503 чел. Если цену обработки одной десятины определить по С.К. Патканову в 18 руб., то вся цена труда самодеятельных крестьян при обработке одной десятины составит 11 979 054 рубля на 1897 г. [16. С. 29, 41–42]

Если 3 429 000 дес. обрабатываемой земли в 1897 г. приходилось на 665 503 самодеятельных крестьян, то в среднем на одного приходилось 5,15 десятины. То есть затраты на обработку земли на одно хозяйство в среднем составляли более 92 руб. 70 коп.

Таким образом, труд самодеятельных крестьян Западной Сибири только при обработке земли в Сибири составлял в 1897 г. 61 722 тыс. руб., или в среднем на одно хозяйство 92 руб. 70 коп. Это совокупный труд крестьянского земледельческого хозяйства на обрабатываемых землях в Западной Сибири. Естественно, необходимо учитывать и региональные особенности ведения хозяйства с климатическими особенностями.

Но это только оценка чисто земледельческого труда в хозяйстве без учета промысловой составляющей. Ее предстоит оценивать отдельно. Например, нами оценивался труд крестьян, занятых в транспортной промышленности на Сибирском тракте [17. С 150–187; 217–257].

Мы ставим перед собой задачи по характеристике труда крестьян в собственном хозяйстве в районах Западной Сибири, его организации в общем ведении хозяйства и определению его стоимости в разные периоды преформенного периода. В данной работе – на стыке 80–90-х гг. XIX в. – располагаем определенными материалами для изучения крестьянского и инородческого хозяйства Западной Сибири. Может быть, это даст нам возможность определить общие трудозатраты крестьянского хозяйства, отследить динамику этого процесса, определить снижение или увеличение цены труда с преформенного периода до 1917 г. и сопоставить с оценкой хозяйства крестьян России, даваемой Б.Н. Мироновым, как устойчивого модернизирующегося хозяйства. Ценовая динамика послужит одним из критериев оценки успешности или неуспешности развития крестьянского хозяйства в конце XIX – начале XX в.

Теперь посмотрим, как оценивался труд в исследованиях второй половины XIX в.

Исследователи-статистики в своем описании крестьянского хозяйства Тобольской и Томской губерний, анализируя труд крестьян, отмечали его индивидуальность и кооперацию в организации своего семейного хозяйства и коллективность в общественных работах.

Так, А.А. Кауфман в труде «Экономический быт государственных крестьян восточной части Мариинского округа Томской губернии» оценивал крестьянское хозяйство, основанное на собственном труде. То есть понятие «собственный труд» выступает как альтернатива наемному труду. Таким образом, А.А. Кауфман приходит к выводу, что труд приобретает юридическое значение [18. С. 57].

О наличии трудового начала писал и С.Л. Чудновский. Он отмечал, что «при разделе принимается во внимание тот труд, который понес выделяемый на семью, степень участия его в приобретении семейного имущества» [19. С. 62].

Исследователь С.С. Пчелин, изучая экономический быт государственных крестьян Антроповской, Еланской, Липчинской и Тавдинской волостей Тюменского округа Тобольской губернии, выделял источники благосостояния крестьян, относя к ним земледельческие орудия (рогалюха, колесянка и пермянка) и описывая их устройство и цену каждого орудия и его части. Он же описывал добывающие промыслы крестьян. Ивовая кора, или «дуб», повсеместно собирались крестьянами и татарами для сбыта в Тюмень, этот центр кожевенного производства [20].

А.А. Кауфман давал оценку труда женщин-работниц при срочном найме: «женщина нанимается уже не столько как земледельческая работница, сколько как прислуга, – а в прислуге нуждаются, конечно, только очень зажиточные или *ненормально бедные женинами дворы* (курсив мой. – О.К.)» [18. С. 57].

Характеризуя русское население, С.К. Патканов давал следующие трудовые характеристики жителям разных селений: «Они одни из древних русских поселений в Сибири. Пахари». Исследователь отмечает особенности трудовых навыков крестьян из традиционных сельскохозяйственных деревень и сел и тех поселений, которые использовали на заводах труд ссыльнокаторжных. Даже их потомки отличались неспокойным поведением, небольшими земельными наделами и большей мобильностью с точки зрения поисков работы на приисках, добираясь до Восточной Сибири [14. С. 48].

С.К. Патканов отмечал даже в одном округе географическое разделение труда. Например, крестьяне Яровской, Богандинской волостей занимались преимущественно хлебопашеством, а в Черевищевской – только в восточной части. Остальные питались отхожими промыслами – пилкой теса, молотьбой и т.д.; кроме того, известны были как хорошие пимокаты, а в Б. и М. Балдах почти круглый год были заняты выделкой деревянной посуды. То есть в этих селениях Черевищевской волости идет специализация трудовых навыков: пимокаты, рогожники, производители сит (ситное производство), крахмальное производство в Яровской волости, огородничество в д. Парfenовой

(Яровская волость) и д. Патрушевой (Черевищевская волость), извоз как промысел в с. Богандинском, д. Антипиной, Черевищевой, Б. и М. Балды и с. Заводо-Успенском. Значительная часть жителей д. Антипиной (Богандинская волость) и д. Яровской осенью отправлялись в леса и до первой половины зимы жгли уголь. А специальным занятием большей части жителей д. Зайковой была торговля скотом и мясом. Большая часть д. Паренкиной, Субботиной и с. Мальково хорошо зарабатывала от покупки и перепродажи сена. Отмечался также уход на прииски Восточной Сибири [14. С. 48–117].

Только простое перечисление свидетельствует о разнообразных возможностях применения труда крестьян, который имел разное географическое размещение, специализацию, сезонность. Речь идет либо о дополнительных заработках крестьян, либо о специализированном труде.

Труд крестьян был организован либо как коллективный, либо как индивидуальный. Под коллективным имеется в виду тот, который был организован сельским обществом как общее условие для реализации индивидуального труда крестьян. Например, взятие в аренду крестьянами лесов у татар или в пользование у них же. Работали крестьяне там индивидуально, но платили за аренду общиной, или деревней. Таким образом, организация труда носила двоякий характер: коллектив-община выступала в роли организатора общего договора, который мог быть заключен и в устной форме. А сам труд для решения проблем семьи – индивидуален под контролем общины [14. С. 117].

Регионализация и специализация труда наблюдалась по всей Сибири. Хотя, по оценке М.В. Шиловского со ссылкой на аналитическую записку по итогам поездки П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина в Западную Сибирь (1910), регион четко квалифицировался как окраина и молодая земледельческая колония с очень низким уровнем товарности аграрной сферы. «Вне полосы, непосредственно прилегающей к железной дороге, почти все вырабатывается и потребляется дома. Денег зарабатывается мало. На сторону продается всего около 1/5 (18%) добываемых продуктов» [22. С. 14]. Он же соглашается с мнением П.Ф. Никулина: «В начале XX в. рынок не смог разрушить социально-трудовые основы крестьянского хозяйства... Оно сохранило свою целостность и устойчивость, поскольку сохранилась его главная опора – семейная рабочая сила и крестьянская трудовая (духовная) культура» [21. С. 21].

Общее заключение о хозяйстве сибирских земледельцев, составленное П.Ф. Никулиным в виде основных положений, выносимых на защиту докторской диссертации, заключалось в следующем: «В начале XX в., с проведением Сибирской железной дороги, мелкотоварное семейно-трудовое крестьянское хозяйство Западной Сибири включилось в систему общероссийского капиталистического рынка. Его экономический строй представлял собой структуру, которая являлась результатом взаимодействия базисной мелкотоварной, семейно-трудовой системы хозяйствования и сформировавшейся под воздействием рынка адапта-

ционной рыночно-капиталистической подсистемы, которая обеспечивала его устойчивое функционирование и развитие в динамичных условиях единого общероссийского рынка.

Вхождение семейно-трудового крестьянского хозяйства региона в состав единого общероссийского рынка дало мощный импульс его экономической модернизации, которая происходила в адаптационном режиме. Модернизация западносибирской деревни осуществлялась на традиционном базисе. Она выражалась в развитии торгово-рыночной специализации, рационализации производственно-технической базы и повышении капиталовооруженности крестьянских хозяйств, росте применения хозяйственных инноваций, интенсификации семейного труда и использовании труда наемных работников.

Внутренний строй хозяйства бедняков и середняков сохранил в ходе модернизации семейно-потребительский мелкотоварный характер. Экономике их дворов были присущи простое воспроизводство, основанное на интенсивном семейном труде, потребительская аренда и связанная с нехваткой семейных работников потребительская форма найма» [22. С. 12]. «Дворы бедняков и середняков, имевшие относительно низкую обеспеченность землей, коровами и рабочим скотом, характеризовались простым воспроизводством. Однако если бедняки для поддержки хозяйства на уровне потребительских и рыночных требований были вынуждены вкладывать в него доходы от заработков по найму и промыслов, то середняки воспроизводили свое хозяйство главным образом на собственной основе. Помимо этого, оба типа хозяйств держались чрезмерным напряжением семейных рабочих сил. Бедная и средняя группа крестьянских дворов, следовательно, целиком представляли традиционное, мелкотоварное, семейно-потребительское хозяйство» [22. С. 35].

В мелкотоварных зажиточных дворах в процессе модернизации образовалась предпринимательская система хозяйствования. В их экономике утвердились расширенное воспроизводство, связанное с ростом применения хозяйственных инноваций, предпринимательская аренда и используемый в предпринимательских целях труд наемных работников. Предпринимательская хозяйственная система сформировалась и функционировала в рамках мелкотоварной семейно-потребительской экономической культуры и была направлена на стабильное удовлетворение коренных потребностей крестьянской семьи. Поэтому предпринимательство было подчинено традиционной системе хозяйствования и носило мелкотоварный (некапиталистический) характер [22. С. 12]. Зажиточные крестьяне имели самую высокую капиталовооруженность и производительность труда. За счет этого они постоянно получали действительно большой излишек над необходимым продуктом. Избыточные средства в условиях воздействия рыночно-капиталистических отношений, как правило, направлялись на приобретение живого и мертвого инвентаря, расширение землепользования путем введения в оборот новых земель и аренды, интенсификацию системы земледелия, скотоводства и на покупку дополнительной (наемной) рабочей силы. Другими сло-

вами, излишek принимал форму предпринимательской прибыли и выступал основой расширенного воспроизведения. В результате в традиционном хозяйстве зажиточного крестьянина устойчиво развивалась предпринимательская система хозяйствования. Она возникла и функционировала в рамках традиционного мелкотоварного хозяйства и имела целью наилучшим образом удовлетворить личные и производственные потребности крестьянской семьи Предпринимательство зажиточных сельских хозяев носило мелкотоварный, некапиталистический характер» [22. С. 36]. Таким образом, П.Ф. Никулин ближе всех исследователей подошел к оценке труда в крестьянском хозяйстве с его внутренней неоднородной социальной структурой.

В земледельческом хозяйстве в целом господствовала традиционная семейно-потребительская система хозяйствования. Она подчиняла себе рыночно-капиталистическую хозяйственную подсистему и направляла ее на стабильное удовлетворение личных и производственных потребностей земледельцев. Следовательно, внутренний строй крестьянских хозяйств Западной Сибири имел традиционно-общинную, семейно-трудовую, мелкотоварную потребительскую природу [22. С. 12].

Данные положения, выдвинутые П.Ф. Никулиным, нашли отражение в 3-м томе четырехтомной «Истории Сибири» [23. С. 574–575].

Исследователи крестьянского хозяйства поступали классически. Сначала характеризовались носители труда – крестьяне, население (уровень работоспособности, роль мужчин и женщин, их разделение при организации домашнего и общественного труда, роль детей и подростков, цена их труда при разных формах организации труда). Затем характеризовался предмет труда – земля, ее расположение, качество, условия для земледелия, состояние после многолетней эксплуатации, время нахождения в залежи, природные критерии ее повторной готовности и т.п. Показывались инвентарь, приемы обработки земли, посевной процесс, уборка и обмолот. Каждая операция обязательно вычислялась в ее стоимостном или ценовом выражении –

рублях и копейках. Подсчитывались доходность той или иной операции, трудоемкость тех или иных действий крестьян.

Следуя классической схеме, от характеристики земледелия ученые переходили к животноводству, затем промыслам – добывающим или обрабатывающим в зависимости от конъюнктуры, месторасположения поселений, традиционных навыков.

Стоимость труда – категория, важная для оценки состояния крестьянского хозяйства и определяемая таким важным критерием, как рынок, который мог быть и локальным, и региональным, и всероссийским, и оказывать влияние на цену крестьянского труда.

Исследователи выделяли труд собственный, имевший цену, но не всегда дававший доход, и труд наемный, предусматривавший получение дохода в деньгах, иногда высокодоходный, приносящий прибыль в отличие от трудопотребляющего хозяйства трудовых крестьянских хозяйств, основанных на внутреннем потреблении. Данные исследователей показывают, что крестьянские хозяйства вели многопрофильное хозяйство, основанное на земледелии и скотоводстве, и в значительной степени вовлечено в промысловые формы деятельности.

Наряду с трудом собственным и наемным был труд коллективный: общественные повинности – государственные и сельские, волостные и мирские.

Анализ работ, связанных с описанием крестьянского труда и его ценовыми (стоимостными) характеристиками ставит перед нами серьезную задачу – проследить в динамике изменение труда в его организации, подсчитать общий объем стоимости труда, экстраполируя на неисследованные статистиками регионы, отметить неравенства в цене и стоимости труда (его объеме) в разных социальных группах, т.е. определить стоимость труда крестьян в процессе аграрного освоения Сибири.

Предстоит еще обобщение оценок труда в области животноводства и промыслов как составных общего крестьянского хозяйства.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. М. : Госполитиздат, 1960. Т. 23: Капитал. VI, 907 с.
2. Калугина З.И. Депривация сельского населения // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития : исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. С. 613–614.
3. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Булавин, 2014. Т. 1. 896 с.
4. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в Российской империи: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. М. : Весь Мир, 2012. 848 с.
5. Власова И.В. Коллективные формы труда в крестьянском хозяйстве // Крестьянское хозяйство: история и современность : материалы к Всерос. науч. конф., Вологда, октябрь 1992 / отв. ред. М. А. Безнин. Вологда : Изд-во Вологод. пединститута, 1992. Ч. I. С. 34–36.
6. Зверев В.А. Хозяйственная деятельность русской крестьянской семьи в Сибири (конец XIX – начало XX в. // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XVIII – начало XX века. Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1982. С. 89–110.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1983. 400 с. (История крестьянства Сибири).
8. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в преобразованный период. Новосибирск : Наука, 1981. 329 с.
9. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. : материалы к монографии. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007. 170 с.
10. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртыша в XVII–XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск : Параллель, 2009. 403 с.
11. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в.. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 334 с.
12. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. 244 с.
13. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.

14. Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. СПб. : тип. Я.И. Либермана, 1891. Ч. I, 356, 45 с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири; вып. 10).
15. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998. 572 с.
16. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по переписи 1897 г. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. 210 с.
17. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири, XVIII–XIX вв. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2008. 372 с.
18. Кауфман А.А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. СПб. : тип. Я.И. Либермана, 1892. Т. 2. VI, 397 с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири; вып. XVIII).
19. Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. 1894. № 7. С. 25–70; № 8. С. 185–200.
20. Пчелин С.С. Экономический быт государственных крестьян Антроповской, Еланской, Липчинской и Тавдинской волостей Тюменского округа Тобольской губернии. СПб. : тип. Я.И. Либермана, 1889. 148 с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири; вып. II).
21. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке : очерки истории / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. 308 с.
22. Никулин П.Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала ХХ в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2009. 50 с.
23. История Сибири : в 4 т. / отв. редию А.Х. Эллерт, М.В. Шиловский. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. 3: Новое время (конец XVI – начало XX века). 812 с.

References

1. Marx, K. & Engels, F. (1960) *Sochineniya: v 30 t.* [Works: in 30 vols]. Vol. 23. Translated from German. Moscow: Gospolitizdat.
2. Kalugina, Z.I. (2008) Deprivatsiya sel'skogo naseleniya [Deprivation of the Rural Population]. In: Zaslavskaya, T.I., Kalugina, Z.I. & Bessonova, O.E. (eds) *Rossiya i rossiyane v novom stolietii: vyzovy vremeni i gorizonty razvitiya: issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [Russia and Russians in the New Century: Challenges of the Time and Horizons of Development: Studies of the Novosibirsk School of Economic Sociology]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 613–614.
3. Mironov, B.N. (2014) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity: In 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulavin.
4. Mironov, B.N. (2012) *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v Rossiyskoy imperii: XVIII – nachalo XX veka* [The Welfare of the Population and Revolutions in the Russian Empire: 18th – Early 20th Century]. 2nd ed. Moscow: Ves' Mir.
5. Vlasova, I.V. (1992) Kollektivnye formy truda v krest'yanskem khozyaystve [Collective Forms of Labor in Peasant Farming]. In: Beznin, M.A. (ed.) *Krest'yanskoе khozyaystvo: istoriya i sovremennost'* [Peasant Farming: History and Modernity]. Vol. 1. Vologda: Vologda Pedagogical Institute. pp. 34–36.
6. Zverev, V.A. (1982) Khozyaystvennaya deyatel'nost' russkoy krest'yanskoy sem'i v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.). [Economic Activity of the Russian Peasant Family in Siberia (Late 19th – Early 20th Century)]. In: *Trudovye traditsii sibirskogo krest'yanstva (konets XVIII – nachalo XX veka)* [Labor Traditions of the Siberian Peasantry (Late 18th – Early 20th Century)]. Novosibirsk: NSPI. pp. 89–110.
7. Goryushkin, L.M. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The Peasantry of Siberia in the Era of Capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
8. Solovieva, E.I. (1981) *Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyy period* [Trades of the Siberian Peasantry in the Post-Reform Period]. Novosibirsk: Nauka.
9. Ilinykh, V.A. & Nozdrin, G.A. (2007) *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1890–1920-e gg.* [Agriculture in Siberia in the 1890s–1920s]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Shilovskiy, M.V. (2009) *Rol' gosudarstva v osvoenii Sibiri i Verkhnego Priurysh'ya v XVII–XX vv.* [The Role of the State in the Development of Siberia and the Upper Irtysh Region in the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
11. Zinoviev, V.P. (2009) *Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Essays on the Social History of Industrial Siberia. 19th – Early 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Rynkov, V.M. & Ilinykh, V.A. (2013) *Desyatiletie potryaseniy: sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg.* [A Decade of Upheavals: Agriculture in Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk: SB RAS.
13. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX v.* [The Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries. Late 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk: Nauka.
14. Patkanov, S.K. (1891) *Ekonicheskiy byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoy gubernii* [The Economic Life of State Peasants and Indigenous Peoples of the Tobolsk District, Tobolsk Province]. Vol. 1. St. Petersburg: Ya.I. Liberman.
15. Milov, L.V. (1998) *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Features of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN.
16. Zinoviev, V.P. (2024) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Aziatskoy Rossii po perepisi 1897 g.* [Interethnic Division of Labor in Asiatic Russia According to the 1897 Census]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Kationov, O.N. (2008) *Moskovsko-Sibirskiy trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri, XVIII–XIX vv.* [The Moscow-Siberian Tract as the Main Land Transport Communication of Siberia, 18th–19th Centuries]. Novosibirsk: NSPU.
18. Kaufman, A.A. (1892) *Ekonicheskiy byt gosudarstvennykh krest'yan vostochnoy chasti Tomskogo okruga i severo-zapadnoy chasti Mariinskogo okruga Tomskoy gubernii* [The Economic Life of State Peasants in the Eastern Part of Tomsk District and the Northwestern Part of Mariinsky District, Tomsk Province]. Vol. 2. St. Petersburg: Ya.I. Liberman.
19. Chudnovskiy, S.L. (1894) Ocherki narodnogo yuridicheskogo byta Altayskogo gornogo okruga [Essays on the Folk Legal Customs of the Altai Mining District]. Russkoe bogatstvo. 7. pp. 25–70; 8. pp. 185–200.
20. Pchelin, S.S. (1889) *Ekonicheskiy byt gosudarstvennykh krest'yan Antropovskoy, Elanskoy, Lipchinskoy i Tavdinskoy volostey Tyumenskogo okruga Tobol'skoy gubernii* [The Economic Life of State Peasants of the Anthropovskaya, Yelanskaya, Lipchinskaya, and Tavdinskaya Volosts of Tyumen District, Tobolsk Province]. St. Petersburg: Ya.I. Liberman.
21. Ilinykh, V.A. (ed.) (2009) *Agrarnye preobrazovaniya i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: ocherki istorii* [Agrarian Transformations and Agriculture in Siberia in the 20th Century: Historical Essays]. Novosibirsk: SB RAS.
22. Nikulin, P.F. (2009) *Vnutrenniy ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The Internal Economic Structure of the Peasant Economy of Western Siberia in the Early 20th Century]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
23. Ellert, A.Kh. & Shilovskiy, M.V. (eds) (2023) *Istoriya Sibiri: v 4 t.* [History of Siberia: In 4 vols]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS.

Сведения об авторе:

Катионов Олег Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: korolek1953@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**Information about the author:**

Kationov Oleg N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National and Universal History of Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: korolek1953@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 22.05.2025; accepted for publication 17.09.2025